

— Сказав это, Гу Линсюань заставила всех присутствующих невольно рассмеяться.

Ауха Северного моря изначально была дикими, глухими краями на северо-восточных землях, где жило совсем немного людей, и примыкала она к Инхай. Когда император Хань в самом начале учредил там должность наместника, он изволил заметить: мол, в отличие от других прибрежных областей, дел в Северном море меньше, а потому пусть наместник приглядывает ещё и за рыбой да креветками в Инхай. Инхай же — исток четырёх небесных морей, просторный и бескрайний, так что наместник Северного моря с тех пор сделался чиновником с самым обширным уделом во всём Государстве Тан.

Лю Цзиншэн побагровел от досады, топнул ногой и выпалил:

— Гу Линсюань, если хочешь водиться с ним, поменьше околачивайся возле нас!

— А я сегодня нарочно пришла, и что ты мне сделаешь? — Гу Линсюань ничуть не отступила назад, резко развернулась и наотмашь схватила Сян Вей за руку.

— Сян Вей, это правда Сяо Хуань сегодня говорил, будто ты смухлевал при устном пересказе? — спросила она.

Тот тихо пробормотал:

— Я не смухлевал.

Сяо Хуань скрестил руки на груди:

— Если нет, с чего бы твоему голосу так дрожать?

Спустя мгновение Сян Вей, словно наконец набравшись храбрости, поднял голову, прямо посмотрел на Сяо Хуаня и выдавил из себя:

— Я не списывал.

— Жизнеописание Хуаня такой длины, что даже Пей Чжо ошибся в двух местах, с чего бы тебе не сделать ни единой ошибки? — потребовал ответа Сяо Хуань.

— Я... — Сян Вей попытался возразить, но испугался свирепого нрава Сяо Хуаня. Заметив, что Гу Линсюань смотрит на него, а её глаза сияют ярче звёзд, он почувствовал, как в груди невеста откуда рождается отвага.

Спрятанные в рукавах руки Сян Вей сжались в кулаки:

— Я могу повторить текст наизусть.

Гу Линсюань встала перед ним и повернулась к Сяо Хуаню:

— Да ты просто завидуешь, что Сян Вей учится лучше тебя! Такой ты мелочный, даже до своего сводного брата Сяо Лана не дотягиваешь.

Сяо Хуань с трудом подавил гнев:

— Раз так, раз уж все здесь собрались, пусть немедленно запишет всё заново, а мы просто посмотрим.

— Сказал тоже — запиши! — возмутилась Гу Линсюань. — К тому же утренний пересказ был, прошло уже часа три-четыре, пусть приходит писать завтра спозаранку.

— Не пойдет, если не сейчас, можно и вечером повторить, — упорствовал Сяо Хуань.

Лю Цзиншэн откусил кусочек лotosового пирожного:

— Не сможет написать сейчас — значит, и вправду жульничал.

Гу Линсюань как раз собиралась возразить:

— Да сколько ты сам сейчас сможешь...

В этот момент на лестнице послышались шаги.

Цзян Нинъе лениво ступил на пролёт ниже, придерживая перила и загораживая обзор — из-за него виднелась лишь половина на редкость красивого лица. Он зевнул, скользнул взглядом по толпившимся на нижней лестнице ученикам и тут же улыбнулся:

— Ланьцзэ, поднимайся скорее!

Пей Чжо бросил на него взгляд и увидел, как Ду Шунь, перепрыгнув через Цзян Нинъе, скатился вниз:

— Чего раскричались, один за другим? Дадите людям выспаться или нет?

Когда они подошли ближе, Сяо Хуань небрежно сложил руки в приветствии:

— Что ж, давайте все вместе станем свидетелями и посмотрим, сможет ли Сян Вей и впрямь воспроизвести Жизнеописание Хуяня.

Цзян Нинъе удивился:

— Какое ещёписание?

Ду Шунь услужливо прошептал:

— Ту книгу, которую учитель заставлял выучить наизусть днём.

Цзян Нинье вспомнил: днём... это ведь как раз тогда, когда он рисовал на бумаге. Он вывел ветку цветущей сливы и посреди процесса с изрядным самодовольством продемонстрировал её Пей Чжо, за что закономерно удостоился ледяного взгляда со стороны последнего.

— Я напишу, — неожиданно произнёс Сян Вей.

Вокруг воцарилась тишина. Он опустил голову и краем глаза заметил, что лестничная площадка заполнена знакомыми лицами — все они неотрывно смотрели на него.

Тогда Сян Вей повторил снова:

— Я напишу.

— Не пытайся прыгнуть выше головы, — нахмурившись, тихо шепнула ему на ухо Гу Линсюань.
— Такая длинная книга, кто её всю удержит в памяти? Ошибёшься хоть в чём-то — они ведь и до столба докопаются.

Сян Вей плотно сжал губы, удержал готовую продолжить спор Гу Линсюань и чётко, слово за словом, произнёс, обращаясь к Сяо Хуаню:

— Я помню. Я напишу прямо сейчас.

Далёкие истоки (9)

Я помню. Я напишу прямо сейчас.

Каждое слово, каждый звук падали на пол, оседали на рукавах и поднимали беззвучную рябь.

Сяо Хуань улыбнулся краешком рта, поднялся с места и сделал Сян Вею приглашающий жест.

Два с лишним десятка пар глаз со всех сторон тут же впились в Сян Вея, словно собираясь прожечь в нём дыру, отчего ему стало трудно даже дышать.

Эти взгляды неотступно следовали за ним. Стоило ему усесться и покрепче перехватить кисть, как чужие взоры заскользили вслед за тушью и кончиком пера по бумаге, выискивая хоть какой-нибудь подвох.

Одни из этих глаз желали ему процветания, другие жаждали его краха; все они яростно

трепали его на свой лад, поклявшись оставить на нём следы жестокого поражения.

Удивительно, но тощий парнишка сидел с кистью в руках так, будто вокруг него лежала его собственная, отдельная вселенная. Пусть тесная, но тихая, способная оградить от бушующих за её пределами потоков.

Тёмные следы проступали из-под его кисти, расплываясь по расстеленному листу и наполняя воздух ароматом туши. Этот запах витал в непривычно тихой, словно пустой комнате.

Плавный, непрерывный почерк — ни единой заминки.

Сам не заметив, как прошло время, он наконец отложил кисть.

Сначала слышались изумлённые вздохи, а затем раздались восторженные возгласы.

Пирожное выпало из рук Лю Цзиншэна прямо на пол, а по спине у него побежали холодные капли пота:

— Да откуда этот парень вообще взялся?

Сяо Хуань поднял пачку исписанных листов и в упор уставился на них, застыв так надолго.

Гу Линсюань с победным видом хлопнула Сян Вея по плечу и вскинула брови:

— Ну что, убедились? Хоть всю жизнь выискивайте — к чему придраться не найдёте.

Лицо Сяо Хуаня то синело, то белело. Постояв так с минуту, он опустил руки и низко поклонился Сян Вею:

— Я был излишне дерзок, прошу брата Сян простить меня за усердие.

Сян Вей испугался столь бурной реакции и тут же попытался вскочить, чтобы ответить на поклон. Но то ли ноги затекли от долгого сидения, то ли от волнения — опираясь на стол, он оступился.

С глухим стуком из его рукава что-то выкатилось. Сян Вей опешил от испуга и, глядя на упавшую вещь словно на сокровище, тотчас уставился туда глазами.

Сяо Хуань среагировал мгновенно, подхватив предмет с пола. Оказалось, это чёрная кисть. Сжав её обеими руками, он уже собирался протянуть её хозяину, как её перехватила другая рука.

Кисть зажала между пальцами рука Цзян Нинъе. Он бросил на Сян Вея лёгкий, ничего не выражающий взгляд и задал вопрос, в котором звучало то ли недоумение, то ли допрос:

— Эта кисть твоя?

— А? Откуда эта кисть? — простодушно вытянув шею, заморгал Ду Шунь, ничего не понимая.

Сяо Хуань же с первого взгляда узнал знакомый тёмно-красный узор на древке:

— ...Морозный иней у башни Сяолу!

Ду Шунь широко разинул рот:

— Ого, да это же та самая Морозный иней у башни Сяолу! Я вечно пытаюсь её раздобыть, да только днём с огнём не сыщешь. Сяо Хуань, разве её не твой клан в Цинчжоу производит?

— Не совсем так, древесиной занимается семья моей матушки, а кисти, тушь, бумагу и чернильницы они стали делать позже, — ответил Сяо Хуань. — Только вот сырьё для Морозного инея слишком ценное, а мастерство обработки столь редкостно, что она разве что чуть-чуть уступает творениям Таньтай Цинянь.

— Таньтай Цинянь я знаю, папа вечно держит её в кабинете и прикасаться к ней не разрешает, — пожаловалась Гу Линсюань.

— Какая-то кисть, а столько шуму? — Ду Шунь судорожно втянул воздух, однако покосился на лицо Сян Вея с лёгким подозрением. — Неважно, чьих она рук дело, откуда она у тебя?

Сян Вей внезапно замер, словно соплёмшись под вопросом, и принялся испуганно шарить глазами по сторонам.

Цзян Нинъе обладал острым зрением — обернувшись, он тут же заметил Пей Чжо, который едва заметно покачал головой.

Ду Шунь то переводил взгляд с Морозного инея у башни Сяолу на перемазанные грязью сапоги Сян Вея, то обратно, находя это крайне несоответствующим друг другу. Он уже собирался продолжить расспросы, как вдруг заметил, что Цзян Нинъе безо всякого интереса возвращает кисть владельцу.

— Пустяки, просто одолжил взглянуть, — Цзян Нинъе скользнул взглядом по Сян Вею и тут же отвёл его. — Хорошей кисти — хороший почерк. Память у тебя отличная, а вот каллиграфию надо бы подтянуть: угловатая до того, что разобрать трудно.

Сян Вей тотчас уловил скрытый смысл этих слов.

В этот момент на лестнице вновь раздался топот и возня.

— Пропустите, дайте пройти...

Протиснувшийся внутрь юноша сиял лучезарной улыбкой и, повернувшись к Сян Вею, выпалил:

— Ай, вот ты где! Заставил же меня побегать, я тебя всюду ищу.

Этот парень вытащил из рукава свёрток, оказавшийся целой связкой из десятка кистей.

Сяо Хуань помрачнел:

— Сяо Лан, ты это к чему?

— Я... я вчера случайно сломал его кисть, — смущённо почесал затылок Сяо Лан. — Вот ведь вылетело из головы, как только уроки кончились, сразу побежал в лавку.

— На, держи, — он сунул свёток прямо в руки Сян Вею. — Не знаю, какая тебе больше по нраву, так что взял все подряд, выбирай любую, какая под руку попадётся.

Сян Вей тупо уставился на него, затем перевёл ошарашенный взгляд на кисти в своих руках и, будто вспомнив что-то, внезапно расплакался — глаза его мгновенно покраснели.

— У человека Морозный иней у башни Сяолу, думаешь, ему твоя рухлядь сдалась? — холодно бросил Сяо Хуань. — Маршируй домой за наказанием.

— Брат, я не это...

— Какой я тебе брат? — Сяо Хуань огляделся по сторонам. Сегодня он потерял лицо сильнее всех, на душе кипела злость, а вид Сяо Лана раздражал его ещё больше.

Тут же встрял с ядовитым словцом Лю Цзиншэн:

— Брат Хуан, не злись. Ты — законный наследник рода Сяо, нечего опускаться до всяких безродных выскочек.

— ...Псиная морда, ты кого безродным назвал? — Сяо Лан сжал кулаки, намереваясь броситься в драку, но под суровым взглядом Сяо Хуаня сбавил обороты и понурил голову.

Сяо Хуань бросил презрительный взгляд на Лю Цзиншэна и взмахнул рукавом:

— И ты поменьше болтай языком.

— А я что, неправду сказал? — возмутился было Лю Цзиншэн, но его голос полностью утонул в неожиданно раздавшемся громком плаче.

Сян Вей одной рукой прижимал к груди связку кистей, а в другой сжимал Таньтай Цинянь и горько зарыдал навзрыд. Лицо его сморщилось, рот широко открылся — плакал он ужасно некрасиво.

Гу Линсюань свирепо зыркнула на Лю Цзиншэна и, суетливо шаря по карманам в поисках платка, запричитала:

— Да перестань же ты реветь, тебе вон сколько кистей взамен принесли...

—

Аромат древесины груши смешивался с запахом туши, поднимаясь по винтовой лестнице мимо плотных рядов книжных шкафов. Юноша сидел у окна, погруженный в чтение книги.

Дневной свет падал на край его рукава, мягко дробясь и превращаясь в рыжеватые блики, которые окутывали его фигуру теплом.

Окно внезапно распахнулось.

Пей Чжо остался невозмутим, пока налетевший порыв ветра не сорвал с дерева листья и не забросил их прямо внутрь, где они аккуратнейшим образом приземлились посреди книги.

— Цзян Хуаньянь.

Едва прозвучал этот тихий голос, как из-за оконной рамы появилась чья-то голова с широкой усмешкой.

— Как ты догадался, что это я? — он свесился наружу. — Целыми днями пропадаешь в Пустой комнате, неужто не тошно?

Пей Чжо собирался было проигнорировать его, но услышал неподалёку звук, похожий на возню и шуршание сорвавшегося с черепицы тела.

Там же двухэтажная высота!

Пей Чжо резко поднялся, обернулся и обнаружил, что Цзян Нинье пропал из виду. Неужели сорвался вниз...

Тревога кольнула сердце, и он поспешно уперся руками в подоконник, выпрыгнув наружу. Оказавшись на крыше и озираясь по сторонам в поисках воришки, он расслышал едва сдерживаемый смех.

Опустив взгляд, Пей Чжо увидел прижавшегося к стене Цзян Нинъе, которого от смеха трясло всего целиком.

Тот поднял голову и невинно посмотрел на Пей Чжо.

— Скудоумие!

Пей Чжо уже хотел уйти, но Цзян Нинъе ухватил его за рукав, не давая сдвинуться с места, и, усевшись прямо на черепице, лениво крикнул вниз:

— Ду Шунь, я выиграл!

Тут же из густой кроны дерева у самого края карниза высунулась голова Ду Шуня. Оседлав толстую ветку, он уныло протянул:

— Да как так-то...

Цзян Нинъе хихикнул, глядя на Пей Чжо:

— Я же говорил, Ланьцзэ меня в беде не бросит.

— Эй, Ду Шунь, — он снова повернулся в сторону дерева. — А где твоя ставка?

Ду Шунь засунул руку в рукав:

— Разве пятидесяти монет мало?

— Дешево отделался! — заметив неподалёку мелькнувшее внизу жёлтое платье оттенка осенних хризантем, Цзян Нинъе тут же придумал новый план.

— Давай так: с тебя покупка утренних угощений для Мэн Минь на весь этот месяц!

Рука Ду Шуня замерла:

— С какой стати?

— Между соучениками надо укреплять товарищеские узы, разве нет? — протянул Цзян Нинъе.
— К тому же покупать завтраки целый месяц обойдётся даже дешевле пятидесяти монет.

И в завершение он переспросил Пей Чжо:

— Я ведь прав, Ланьцзэ?

Ду Шунь застонал:

— Да с какой стати именно Мэн Минь? Она же такая грозная...

— Ты это про кого?! — раздался снизу гневный девичий голос.

Ду Шунь едва не потерял равновесие от испуга и замахал руками:

— ...Ни про кого!

Этой затворницы он боялся до смерти.

Мэн Минь прыгала вниз во дворе:

— Ду Шунь, как ты туда забрался? Я тоже хочу наверх!

— Ой-ой-ой, погоди ты, нет, погоди, — вздохнул Ду Шунь. — Ставь левую ногу на ту толстую ветку и держись крепче...

Цзян Нинье по-прежнему тянул Пей Чжо за собой, жестом предлагая ему сесть рядом, а затем вытащил из-за пазухи бумажный свёрток.

Аккуратно развернув его, он протянул ладонь с двумя аккуратно нарезанными кусочками зелёного макового пирожного. Протянув один Пей Чжо, он сказал:

— На, из «Фансянчжай», свежайшие, ешь скорее.

Пей Чжо взял угощение и спросил:

— Откуда?

— Ты сначала попробуй.

Цзян Нинье наблюдал, как тот поднёс пирожное ко рту, откусил кусочек, и глаза Пей Чжо на миг округлились.

— Вкусно же? — видя, как Пей Чжо поджал губы, словно котёнок, самодовольно протянул Цзян Нинье. — Я тайком послал Доуцзы сбегать в лавку, а потом подобрал у западного угла стены. Ну как, умно придумал?

Проглотив угощение, Пей Чжо с сомнением произнёс:

— Учитель увидит — опять заставит переписывать трактаты.

— Тогда тебе придётся списывать вместе со мной, — ответил Цзян Нинъе, откусывая второй кусок. Жевывая, он уставился на Пей Чжо и тихо засмеялся.

Да так заразительно, что поперхнулся, и остаток пирожного выпал из его рук прямо на запыленную черепицу.

Слегка нахмурившись, Пей Чжо в недоумении спросил:

— Ты чего смеёшься?

— Ты... погоди-ка. — Цзян Нинъе никак не мог отдышаться и, жмурясь, протянул руку, чтобы смахнуть что-то с уголка рта Пей Чжо.

Показав пальцы собеседнику, он продемонстрировал прилипшие крошки зелёного пирожного. Только вот вдобавок к этому на пальцах Цзян Нинъе остались свежие следы туши.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! — уставившись на размазанные по чистенькому лицу Пей Чжо чёрные разводы, Цзян Нинъе снова согнулся пополам от хохота, так что из глаз брызнули слёзы. — Клянусь, я не специально!

Пей Чжо покраснел от злости до самых ушей и попытался стереть грязь тыльной стороной ладони, но от этого пятно размазалось ещё сильнее.

Цзян Нинъе никак не мог унять смех. Усевшись рядом, он подобрал оставшиеся крошки пирожного и растёр их на ладони.

Буквально через мгновение к ним слетелись пара-тройка диких птиц и закружили над его рукой.

Покормив их пару раз и заметив, что Пей Чжо сидит на крыше с прежней прямой осанкой, Цзян Нинъе силой разжал его ладонь и высыпал остатки угощения туда:

— Попробуй-ка.

Пей Чжо хотел было отказаться, но невесть почему не отдёрнул руку.

Он так и сидел, слегка приподняв ладонь, пока острые клювики птиц аккуратно склёвывали крошки, щекоча ему кожу.

— Здорово ведь? — прищурился Цзян Нинье. — Учитель Чжан сейчас здесь нет, чего ты всё время держишься так напряженно?

Пей Чжо бесстрастно ответил:

— Мудрые предки учили: будь осторожен, когда остаёшься один.

— Чего ещё за мудрости? Сам-то совсем еще малец, а вечно ходишь такой зажатый, — пробормотал Цзян Нинье.

Пей Чжо проводил взглядом улетевших птиц, распахнувших крылья.

— В нашей семье строгие правила, — тихо произнёс он.

Цзян Нинье удивился:

— По-моему, учитель Пэй не производит впечатление человека со столь суровыми устоями.

— Учитель Пэй — не мой отец, — глухо отозвался Пей Чжо.

Он сидел молча, погружившись в какие-то свои мысли, и мысли эти уносили его далеко прочь.

В душе Цзян Нинье неожиданно шевельнулось подобие родственной боли, но он тут же поспешил заглушить её.

— У меня тоже нет родителей, и что с того? — сказал он. — Земля широка, небо высоко — иду куда хочу. Никто мне не указ, и это даже неплохо.

Опершись спиной о раму окна позади него, он посмотрел, как закатное солнце разлилось по белоснежным одеждам, заливая всё вокруг безмятежным покоем.

Напротив книгохранилища, именуемого Пустой комнатой, через широкий двор раскинулась шумная Башня Покрытого Снегом Зеркала. На её каменных ступенях первого этажа устроились Ю Сянь и Чан Мин с товарищами, держась поодаль от других юношей. На втором этаже Гу Линсюань болтала ногами в воздухе, усевшись на перила. Склонив голову набок, она то и дело оборачивалась, оживленно беседуя с Сян Веем.

Цзун Ин, Хань Сисю и другие девчонки собрались вместе, плетя веревочные узоры, чем привлекли внимание Вэй Чжана и Ван Сюаня, которые тоже подошли поглазеть. Сяо Хуань читал книгу, а Сяо Лан стоял неподалёку, жмурясь на солнце и время от времени отправляя в рот сладости, которыми в него бросал Лю Цзиншэн.

На крыше Су Цзыван дул в свою маленькую флейту — так усердно, что запыхался, заставляя сидевшего неподалеку Ду Шунь затыкать уши и возмущенно орать. Мэн Минь мёртвой хваткой вцепилась в его одежду, опасаясь свалиться с дерева.

А рядом сидел опутивший голову Цзян Нинъе, клонясь от жгучего сна и не зная, куда бы прислониться.

В этот миг в глубине души Пей Чжо что-то неуловимо оттаяло, мягко потянув за собой.

Уголки губ Пей Чжо неуловимо дрогнули, тронутые едва заметной, легкой улыбкой — словно зимний снег растаял под первыми лучами, обнажив чистый и прозрачный лёд.

И впрямь сморил сон, думал Цзян Нинъе, подперев подбородок рукой: мерещится всякое.

Далёкие истоки (10)

Ученики в школе проводили целые дни вместе, сталкиваясь друг с другом на каждом шагу. Не прошло и двух месяцев, как даже самые острые углы при столкновениях успели сгладиться. И даже те, кто раньше терпеть друг друга не мог, теперь без тени смущения украдкой передавали товарищам шпаргалки при заучивании текстов. Всё это, попадаясь на глаза Пей Юйшу, лишь подтверждало: Школа Цанлинь процветает и уверенно шагает навстречу яркому будущему.

На исходе лета и в начале осени в школе появился новый ученик.

Мало того что явился — так ещё и с двумя слугами впридачу.

— Ох, не видали вы этого представления — задрал нос выше крыши, — прислонившись к косяку книгохранилища, лениво протянул Ду Шунь. — Как его там... Цяо Юэ? С тем самым иероглифом «юэ», что и в Юэчжоу.

Пей Чжо как раз играл с Сян Веем в го. Заметив, что у Сян Вея уже слипаются глаза, а белая фишка застыла в воздухе, он передвинул её на одно деление вправо.

Цзян Нинъе лежал на столе, выводя кончиком пера листья лотоса, и небрежно бросил:

— Откуда он?

— Только что стоял у главных ворот: сам родом из Суйчжена в Бинчжоу, так ещё и заявляет, будто на занятия обязательно нужно ходить со слугами. Говорят, какой-то крупный землевладелец из Бинчжоу, даже успел купить усадьбу в Южном городе и заявил учителю Чэню, что трижды в день ему обязаны доставлять еду прямо из дома.

— Тьфу, хитрый хорёк, с виду явный проходимец, — понизив голос, Ду Шунь прижался плечом к двери. — Самое удивительное, что учитель Чжан даже пикнуть не посмел и с лёгким сердцем всё разрешил.

Пей Чжо не отрывал глаз от доски: исход партии был предreshён. Сян Вей в отчаянии поскрёб в затылке и тяжело вздохнул.

— А что учитель Чэнь? — спросил Пей Чжо.

— Учитель Чэнь всё равно не покажется здесь месяца два, он отправился к императору с прошением набрать побольше новых учеников. Сейчас здесь закон — тайга, а император далеко, кому до этого дело? В последнее время за нами присматривает исключительно учитель Чжан, — пояснил Ду Шунь.

— Как думаете, что за птица этот парень? Ума не приложу, неужели в нашей школе кто-то смеет вести себя столь нагло? — воодушевляясь всё сильнее, продолжал Ду Шунь. — Если тут разрешено приводить слуг для помощи в учебе, может, и нам завтра по одному прихватить? Гораздо проще бы стало!

В этот момент прибежал мальчик на побегушках, разносящий чай, неся в руках огромный поднос с нарезанными фруктами.

— А сегодня неплохо, — обведя взглядом угощение, отметил Ду Шунь. — Тут и цукаты, и груши, и личи.

<http://bllate.org/book/21168/2144700>